

В комнате остались только отец и сын. Нин Цзюэ стоял посреди помещения, храня молчание и невозмутимо ожидая, когда Нин Ляо закончит свои дела.

— Терпения тебе не занимать, — спустя полчаса тот наконец отложил кисть. — Как прошли экзамены в эти дни?

— Сносно.

Тон был пугающе холодным. Нин Ляо поднял на него взгляд, задержал его, слегка нахмурившись — то ли вглядываясь в сына, то ли пытаясь увидеть за ним кого-то другого.

— Твоя мать... — он запнулся, долго колеблясь, прежде чем осторожно спросить: — Как она жила все эти годы?

Нин Цзюэ пристально посмотрел на него:

— Хорошо или плохо — решать не мне. Если ты действительно хочешь знать, дождись её приезда в Цзинду и спроси сам.

Женщина, забеременевшая вне брака и семнадцать лет в одиночку растившая сына — тяготы её жизни невозможно описать парой слов.

— Ты настолько уверен, что сдашь экзамен?

Неудивительно, что Нин Ляо сомневался. Даже среди отпрысков знатных семей редко кто в семнадцать-восемнадцать лет достигает звания цзиньши. Какой бы одаренностью ни обладал Нин Цзюэ, он родился в простой семье, где доходы матери-вышивальщицы едва покрывали нужды, не говоря уже о возможности получить достойное образование.

Нин Цзюэ не ответил, лишь задал встречный вопрос:

— Если я сдам, что ты сделаешь?

— Разумеется, сдержу обещание, данное твоей матери, и внесу твоё имя в родословную клана Нин.

— А дальше?

— Дальше? — Нин Ляо был озадачен. Что еще за дальше?

— А что будет с моей матерью?

Родословная клана Нин для него ничего не значила. Его целью было вовсе не звание второго молодого господина Нин.

Нин Ляо помолчал, словно принимая трудное решение, и произнес:

— Если ты действительно войдешь в тройку лучших, я прикажу доставить твою мать в Цзинду. На западе города есть дом, недалеко от поместья Нин. Если будешь скучать, сможешь навещать её в любое время.

Раздался сухой щелчок — Нин Цзюэ почувствовал, как в голове что-то оборвалось.

— Значит, ты всё равно не собираешься привозить её в поместье и давать ей законный статус?

Нин Ляо нахмурился:

— Я обещал старшим, что в этой жизни не возьму наложниц. Ты... не ставь меня в неловкое положение.

— Кто кого ставит в неловкое положение?

На обычно спокойном лице проступил холод. Сдерживая гнев, Нин Цзюэ произнес:

— Раз господин Нин столь дорожит своим словом, зачем тогда было соблазнять мою мать? Ты хоть понимаешь, что из-за твоих пустых обещаний женщина десятилетиями терпела презрение и жила в горечи и раскаянии?

— ...

Нин Ляо не нашел что ответить. Ненависть в глазах сына была острой, как нож.

— В то время... я советовал ей избавиться от ребенка...

— Если бы она избавилась от ребенка, меня бы не было.

Нин Цзюэ прервал его:

— Если бы меня не было, у неё не было бы повода цепляться за тебя. Никто бы не узнал о том, что ты творил в Иньчжоу, никто бы не помешал твоему гармоничному и счастливому семейству. Ты бы по-прежнему оставался всеми почитаемым мужем, окруженным детьми, в доме, где царит согласие...

— Но скажи, господин Нин, совесть тебя не грызет?

Когда по ночам ты просыпаешься, не вспоминаешь ли ты случайно ту девушку — яркую, нежную, которая выплакала все глаза из-за тебя? Не вспоминаешь ли ты ребенка, у которого из-за твоей прихоти отняли даже право взглянуть на этот мир? Неужели у тебя совсем нет чувства вины?

Нет.

У него его нет.

Иначе госпожа Юань не страдала бы зря семнадцать лет.

— Ха, я и забыл, у господина Нина ведь нет сердца! — Нин Цзюэ усмехнулся. — По крайней мере, для меня и моей матери его точно нет.

Семнадцать лет молчания говорили сами за себя.

Нин Ляо нахмурился так, что между бровями могла бы застрять муха. Он совсем не знал этого сына и не ожидал, что хрупкий с виду юноша может ранить словами так больно.

— Мы с твоей матерью были по обоюдному согласию, я её не принуждал... — попытался оправдаться он.

— Но ты её обманул!

Нин Цзюэ почти прокричал:

— Если бы ты не скрыл, что женат, стала бы мать с тобой связываться? Ты обманом завладел её чувствами, а получив желаемое, выбросил как ненужную вещь. Господин Нин, это и есть твоя добродетель?

— Дерзость!

Нин Ляо с грохотом ударил по столу, отчего управляющий Ли за дверью вздрогнул.

— Это что за манера разговора с отцом? — он выглядел как кошка, которой наступили на хвост, и наконец не сдержал ярости. Грудь его тяжело вздымалась, он был вне себя от гнева.

— Отец? Ха-ха...

Нин Цзюэ холодно рассмеялся:

— Позвольте спросить, господин Нин, я вам сын? Вы видели такого отца, который десять лет не желает видеть своего ребенка и признает его только в случае сдачи экзамена на звание цзиньши?

Тебе нужен не сын, а пешка, приносящая выгоду.

— Моей целью в Цзинду никогда не было стать сыном Нин Ляо.

Нин Цзюэ развернулся и зашагал к выходу. На ходу он добавил:

— Раз у господина Нина нет намерений вводить мою мать в дом, на этом наш уговор закончен. Сдам я экзамен или нет — с вашим домом меня больше ничего не связывает. Встретимся — будем как чужие люди, не знающие друг друга.

Сказав это, он распахнул дверь и, не обращая внимания на окрик Нин Ляо и растерянного управляющего Ли, решительно шагнул навстречу угасающему закату, покидая Двор Сунцзянь.

...

В гостевой комнате Нин Цзюэ переоделся в ту одежду, в которой приехал. Он собрал узел: кроме вещей, привезённых из Иньчжоу, он не взял из поместья Нин ничего.

А Ци стоял поодаль, собираясь что-то сказать, но под взглядом Нин Цзюэ поспешно закрыл рот.

Госпожа Юань думала, что в поместье Нин сына ждет сытая жизнь, поэтому много вещей не дала. Помимо одежды на нем и белого плаща, в узле были лишь две легкие рубахи. Из десяти лянов серебра, что он взял с собой, семь ушло на помощь Ань Чунье, а после трат на праздник Юаньсяо у него осталось два ляна и девятьсот девяносто вэней.

Один лян — это тысяча медных монет. Миска лапши стоит десять вэней, ночлег в самой захудалой гостинице — не меньше сотни.

Если не случится непредвиденного, при строжайшей экономии он сможет прожить в Цзинду еще полмесяца. К тому времени как раз должны вывесить списки сдавших экзамены.

Выйдя через задние ворота поместья, Нин Цзюэ глубоко вздохнул. Так даже лучше — не нужно больше лицемерить с ними...

А мать... придется убеждать её позже.

С маленьким узлом за спиной, в белоснежных одеждах, Нин Цзюэ шел по улицам. В Цзинду он ориентировался плохо.

Расспросив прохожих, он узнал, что в Цзинду четыре главные улицы. Улица Чанъань, ближайшая к императорскому дворцу, была застроена государственными учреждениями. Чаннин и Чанпин принадлежали знати, аристократии и чиновникам. Простой же люд ютился в районе улицы Чанлэ.

В огромном Цзинду всё было поделено на ранги, и стоимость жизни была разной. Искать дешевую гостиницу Нин Цзюэ мог только в районе Чанлэ.

Наступил час петуха, небо потемнело. Нин Цзюэ был голоден — с обеда, когда он сгрыз две сухие лепешки у экзаменационных палат, во рту не было ни крошки. Живот уже подвело.

Сначала надо где-то поесть.

Оглядевшись, он заметил неподалеку ларек с лапшой, подошел и сел на свободное место.

— Хозяин, миску лапши.

— Сейчас, господин, минуточку.

От горячего пара исходил аппетитный аромат. Хозяин суетился, а Нин Цзюэ тихо сидел в ожидании, чувствуя, что шумная толпа вокруг его утомляет.

— Господин, ваша лапша.

В прозрачном бульоне с домашней лапшой плавали два листа зелени. Выглядело небогато, но зато дешево — всего восемь взней.

Миска была съедена, голод отступил. Расплатившись, Нин Цзюэ поднялся и направился к гостинице, о которой ему рассказали.

Когда он проходил мимо высокого здания, кто-то сверху, не глядя, швырнул чайник. Он летел прямо на Нин Цзюэ, готовый обрушиться ему на голову.

Раздался резкий щелчок — камешек, выпущенный с мощной внутренней энергией, разбил чайник вдребезги еще в полете.

Осколки посыпались дождем. Нин Цзюэ инстинктивно прикрыл голову руками. Большая часть керамики упала позади него, лишь мелкая крошка попала на волосы и плечи.

Хорошо, что чайник был пуст, иначе он был бы весь в чае.

Нин Цзюэ поднял взгляд на здание, откуда летели вещи. Оттуда доносился грохот разбиваемой посуды и женские крики:

— Ты, подлец! Я тут спину гну с утра до ночи, а ты смеешь за моей спиной завести любовницу!

— Еще и мои деньги тратишь на её украшения! Да чтоб ты сдох!

— Сколько серебра эта лисица из тебя вытянула? Верни всё до последней монетки, иначе я тебя со свету сживу!

— ...

Нин Цзюэ поджал губы. Похоже, ссорятся супруги, а он попал под горячую руку.

Несчастье, да и только.

Интересно, кто его спас?

Нин Цзюэ посмотрел в ту сторону, откуда прилетел камень. Сквозь толпу, в неверном свете фонарей, он увидел знакомый силуэт. Тот стоял против света — темные глаза, черная одежда для верховой езды, высокий черный конь, двое стражников по бокам. Все трое смотрели в его сторону.

Нин Цзюэ стряхнул с себя осколки и подошел к ним, сложив руки в приветствии:

— Благодарю за спасение, Ваше Высочество.

Ань Чунье, не меняясь в лице, смотрел на него сверху вниз. Заметив узел у него на плече, он спросил:

— Куда это направляется господин Нин?

Нин Цзюэ поправил ношу:

— Поругался с родственниками, ищу гостиницу.

Ань Чунье приподнял бровь:

— И нашел?

Нин Цзюэ промолчал. Он слышал, что в переулке Циньи у западных ворот есть дешевая гостиница, но где именно она находится, он не знал.

— Вижу, что нет.

Ань Чунье улыбнулся. В Цзинду полно гостиниц, та, из которой летел чайник — одна из них. Если он прошел весь путь и ничего не выбрал, причин может быть только две: либо слишком просто, либо слишком дорого.

Первое вряд ли — в Цзинду за деньги можно найти любое жилье.

Значит, второе: денег не хватает, вот он и идет всё дальше в поисках дешевого пристанища.

Хотя ситуация была неловкой, Нин Цзюэ не смутился:

— У меня не хватает денег. Слышал, в переулке Циньи есть недорогая гостиница, собираюсь проверить.

Переулок Циньи у западных ворот.

Ань Чунье промолчал, но его стражник наклонился и тихо шепнул:

— Ваше Высочество, в том переулке часто обирают постояльцев. Те воришки, которых недавно поймала стража, тоже были оттуда.

В Цзинду ничто не могло ускользнуть от глаз тайной стражи.

Услышав это, Ань Чунье отбросил мысль отпустить юношу. Он слез с коня, бросил поводья стражнику и подошел к Нин Цзюэ.

— В прошлый раз мы так приятно побеседовали. Не окажете ли честь выпить со мной еще пару чарок сегодня?

— Ваше Высочество, у меня слабая голова.

Он до сих пор помнил, как опозорился в прошлый раз.

Ань Чунье усмехнулся, стряхнул с его плаща остатки керамики, а затем положил руку ему на спину, подталкивая в сторону центра города:

— Ничего страшного, можешь просто смотреть, как пью я.

Отказать принцу Нин Цзюэ, конечно, не мог.

В Яньюэлоу они заняли то же место. Ань Чунье махнул рукой, и слуга накрыл стол, поставив перед Нин Цзюэ кувшин с теплым фруктовым вином.

Ань Чунье потягивал Зимнее опьянение и, приподняв бровь, заметил:

— Новое вино от хозяина, мягче сливового. Попробуешь?

Нин Цзюэ хотел отказаться, но под этим насмешливым взглядом у него не хватило духу — он взял кувшин и налил себе.

Розовое вино в белой нефритовой чаше выглядело прозрачным и манящим.

Нин Цзюэ сделал глоток, и его глаза расширились:

— Виноград?

Ань Чунье кивнул:

— Да, виноградное.

Нин Цзюэ сделал еще пару глотков. Оно было ароматнее сливового, почти без терпкости, оставляя лишь глубокий вкус и долгое фруктовое послевкусие.

<http://bllate.org/book/21783/2252436>